

ОТВѢТЪ НА

«Инструкцію для дѣйствія роты и баталіона въ бою».

«Инструкція для дѣйствія роты и баталіона въ бою», въ общемъ, весьма полезна и примѣнима въ войскахъ, но желательно, чтобы она не имѣла уставной обязательности, а была бы принята какъ полезный совѣтъ войскамъ.

Въ частности въ «Инструкціи» можно бы пожелать нѣкоторыхъ измѣненій.

Безъ ущерба разсыпному строю нѣтъ надобности вводить пары и отмѣнять звенья, которыя такъ хорошо усвоены войсками и съ успѣхомъ примѣнялись въ бою.

Часто бываетъ, что на мѣстности встрѣчаются небольшія закрытія, куда удобно могутъ залечь четыре или восемь человѣкъ; старшіе въ звеньяхъ, не спрашивая и не ожидая приказаній и указаній отдѣленнаго или взводнаго начальника, сами, не теряя времени, занимали эти закрытія и тѣмъ предохраняли своихъ товарищей отъ напрасной потери на открытой мѣстности.

Пары, вводимыя «Инструкціею», не всегда сдѣлаютъ то же самое; во 1-хъ, потому, что между звеньями дѣльнаго старшаго легче найти, чѣмъ въ парахъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ ихъ потребуется вдвое болѣе противу числа звеньевъ, и, во 2-хъ, со введеніемъ паръ, вся цѣпь, по смыслу «Инструкціи», дѣйствуетъ и движется посредствомъ командъ и приказаній, а потому пары произвольно перебѣжать впередъ или въ сторону, какъ это требовалось отъ звена, не посмѣютъ и часть цѣпи, въ ожиданіи, пока взводный командиръ замѣтитъ это ничтожное закрытіе, будетъ оставаться на открытомъ мѣстѣ и, конечно, понесетъ безплодныя потери. Что взводному командиру не легко замѣтитъ по всей цѣпи каждый бугорокъ, камень или просто случайную яму, можно легко убѣдиться изъ предложенія «Инструкціи», чтобы на одну пару приходилось не болѣе шести и не менѣе трехъ шаговъ.

Полагая во взодѣ 20 рядовъ и считая въ среднемъ $4\frac{1}{2}$ шага на пару, фронтъ взвода въ цѣпи будетъ 90 шаговъ. Если взводный командиръ будетъ не между своими людьми, а «за своимъ взводомъ»,

какъ предлагаетъ «Инструкція», и притомъ на такомъ отъ него разстояніи, чтобы могъ видѣть свою часть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдить за тѣмъ, что дѣлается у непріятеля, то взводный командиръ легко можетъ очутиться на одномъ изъ своихъ фланговъ и на неровной мѣстности легко не замѣтитъ закрытій для 2—4 паръ.

О томъ, на сколько практично, чтобы взводный и отдѣленный начальники находились въ цѣпи «за своими частями», скажемъ впоследствии, теперь же обратимся къ цифрамъ. «Инструкція» предлагаетъ для пары въ цѣпи не болѣе шести и не менѣе трехъ шаговъ. Можетъ случиться, что въ цѣпи найдется закрытіе, за которымъ вплотную могутъ залечь шесть паръ. Какъ въ такомъ случаѣ отдѣленному начальнику совладать съ требованіемъ «Инструкціи», чтобы пары становились не тѣснѣе трехъ шаговъ? На совершенно открытой мѣстности указанія «Инструкціи» весьма полезны, но на пересѣченной мѣстности нѣтъ надобности стѣснять взводныхъ начальниковъ цифрою; имъ чаще придется вести свою цѣпь группами, съ болѣшими или менѣшими интервалами между ними. Величина группъ будетъ зависѣть отъ степени пересѣченности мѣстности, которая на столько разнообразна, что никакой цифрѣ не подчиняется. Принимая во вниманіе, что величина цѣпи зависить отъ величины части, отъ которой она высылается, а густота ея отъ длины фронта, который она должна прикрыть и отъ предстоящей ей задачи, то было бы проще, посылая, напримѣръ, взводъ въ цѣпь, отдавать взводному командиру приказаніе: занять такое-то пространство, и придется ли тутъ занять 20 шаговъ на пару или два шага, это будетъ уже дѣло взводнаго командира, лишь бы распоряженія его соотвѣтствовали цѣли, т. е. лишь бы заданная ему задача соотвѣтствовала боевой силѣ взвода—что уже дѣло не взводнаго, а посылающаго взводъ въ цѣпь начальника.

Разбирая далѣе цифры, даваемая «Инструкціею», нельзя не замѣтить, что, по ея мнѣнію, рота (военнаго состава) въ разсыпномъ строѣ можетъ занять 200—250 шаговъ по фронту. Рота, по военному составу, имѣетъ 80 рядовъ; умножая ихъ на шесть, будетъ 480 шаговъ, а на три—240 шаговъ. Изъ этого можно придти къ заключенію, что если вся рота находится въ цѣпи, то «Инструкція» не допускаетъ другаго интервала между парами какъ три шага и даже менѣе; къ чему же тогда требовать, чтобы пары ставили на шесть шаговъ, если никогда не придется примѣнять этого на дѣлѣ. Это частное недоразумѣніе происходитъ, повидимому, отъ стремленія «Инструкціи» къ цифрамъ. Между тѣмъ, обучая цѣпь, должно внушать, что назначеніе ея прежде всего не въ соблюденіи извѣстнаго числа шаговъ между парами, а въ при-

крытіи извѣстнаго района мѣстности, за которымъ расположены сомкнутыя части, и придется ли разсыпанной ротѣ занять по фронту 200, 250 или 500 шаговъ, это уже дѣло начальника, отдавшаго приказаніе ротѣ исполнить такую то задачу.

Если цифры 200, 250 шаговъ на роту военного состава предлагаютъ какъ выводъ изъ боевой практики, то въ такомъ случаѣ, конечно, мы ничего противъ этого сказать не можемъ, но изъ личныхъ наблюденій должны замѣтить, что всю роту въ цѣпь вводить не слѣдуетъ. Посылая всю роту въ цѣпь, надо допустить, что за нею есть хотя одна рота въ резервѣ, а имѣя въ своемъ распоряженіи двѣ роты, лучше отъ каждой изъ нихъ послать въ цѣпь по полуротѣ, съ тѣмъ, чтобы за каждой полуротой цѣпь имѣла бы въ резервѣ свои полуроты. Предположеніе наше не пустая прихоть или слишкомъ безусловное стремленіе къ перпендикулярной тактикѣ, — оно основано на болѣе существенномъ, на корнѣ всего боеваго дѣла: *на нравственной связи людей одной и той же роты*. Нѣтъ солдата въ русской арміи, который бы не жилъ жизнью и интересами своей роты; онъ менѣе интересуется полкомъ и еще менѣе баталіономъ, ему своя рота дорога, и гдѣ бы онъ ни находился, куда бы болѣзнь, рана, командировка его ни закинули, онъ скучаетъ о своей ротѣ и стремится къ ней; солдатъ, по выздоровленіи или возвращеніи изъ командировки, всегда будетъ просить отпращиванія его въ свой полкъ, и не столько ради полка, сколько ради своей роты: тамъ его семья, товарищи, все прошлое, боевое, одушевлявшее его до крайняго напряженія силъ и безотчетнаго самопожертвованія!

Если съ высказаннымъ можно согласиться, то цифру для фронта цѣпи одной роты должно опредѣлить не въ 250 шаговъ, а смѣло вдвое, втрое болѣе: она не сдастъ и тверже поведетъ дѣло, чѣмъ рота, брошенная *вся* въ цѣпь, въ одну линію. Тутъ мы не затрагиваемъ вопроса о томъ, на сколько удобно будетъ ротному командиру вести свою роту въ цѣпи, если она вся разбросана на 250 шаговъ. Тутъ мы не затрагиваемъ того вопроса, который каждый изъ ротныхъ командировъ себѣ задастъ: «какая рота у меня въ ближайшемъ резервѣ?—Шестая рота! Ну, такъ иди смѣло,—не выдастъ!—Первая рота, на нее не рассчитывай.» Все это говорится изъ вынесеннаго опыта, а потому позволяемъ себѣ предложить «Инструкціи» остановиться на правилѣ, чтобы *сомкнутыя части ротъ первой линіи служили резервомъ своей цѣпи*; фразу же: «рота въ разсыпномъ строю можетъ занять столько-то шаговъ», замѣнить: «двѣ полуроты въ раз-

сыномъ строю должны занять фронтъ такой-то», т. е. все то, что они должны прикрыть или занять при наступленіи.

Для наблюденія за флангами высылка патрулей необходима. Но если «Инструкція» даетъ цифры относительно расположенія взводовъ и даже паръ, то, въ смыслѣ послѣдовательности, слѣдовало бы указать, какъ далеко посылать за фланги эти патрули. Общая фраза: «не теряя связи съ частью» не успокаиваетъ взводнаго командира, и онъ всегда будетъ въ сомнѣніи, такъ ли онъ все сдѣлалъ, какъ желаетъ «Инструкція», въ которой не поставлено на этотъ случай цифры потому, что все зависитъ отъ степени пересѣченности мѣстности.

Вотъ почему необходимо сказать, что патрули посылаются на фланги только въ такомъ случаѣ, если мѣстность на нихъ не открытая, а пересѣченная, изъ-за которой непріятель легко можетъ ударить внезапно во флангъ, и потому патрули должны стать такъ, чтобы заблаговременно замѣтить намѣреніе врага, и на столько заблаговременно, чтобы войска могли приготовиться къ надлежащей встрѣчѣ. Связь патруля со своею частью нужна; но суть дѣла не въ связи, а въ своевременномъ предупреденіи. Высылать патрули изъ цѣпи менѣе удобно, чѣмъ изъ сожнутыхъ частей.

Управленіе рассыпнымъ строемъ «Инструкціей» предлагается производить посредствомъ *командъ* и *приказаній*. Сигналь же: «бой къ атакѣ» предоставляется подавать каждому начальнику, до взводнаго командира вѣлнчательно. Полагаемъ, что это неудобно. Бой къ атакѣ долженъ подавать старшій каждаго участка, т. е. не менѣе ротнаго командира, но еще благоразумнѣе, если послѣднимъ и самымъ рѣшающимъ актомъ боя будетъ распорядиться самъ баталіонный командиръ, и потому, по нашему крайнему разумнью, только онъ можетъ подавать сигналь «бой къ атакѣ».

«Инструкція» весьма заботится о томъ, чтобы люди въ цѣпи не перемѣшивались; заботливость эта доходитъ до боязни перемѣшивать людей двухъ различныхъ отдѣленій одного и того же взвода или роты. Если цѣпь въ огнѣ и ее приходится усилить, то никакихъ другихъ стараній прикладывать не надо, кромѣ желанія, чтобы стрѣляли рѣдко, да мѣтко. Требовать же, чтобы при первой и притомъ «малѣйшей возможности, «раздѣлять участки цѣпи» менѣе всего желательно; по слѣдующей простой причинѣ: предположимъ, что взводъ въ цѣпи занимаетъ 90 шаговъ; цѣпь усилили въ перемежку другимъ взводомъ, и вся полурота заняла 100 шаговъ. Цѣпь перебѣгаетъ на новую позицію. Тутъ, кажется, является возможность пересортировать людей. Но именно этого мы не совѣтуемъ дѣлать. Сортировка поведетъ къ то-

му, что людямъ, подъ огнемъ, придется бѣгать вдоль фронта, а этого они ни за что дѣлать не будутъ; если же мы свое стараніе къ рас-
сортнровкѣ людей доведемъ до того, что только ради этой боязни къ
перемѣшиванію людей въ дѣли начнемъ, согласно «Инструкціи», насту-
пать по отдѣленіямъ, подымая изъ-за закрытій людей одного отдѣленія
оставляя другое отдѣленіе лежать, то въ рядахъ перваго отдѣленія
навѣрное окажется некомплектъ, а въ рядахъ оставшагося лежать за
закрытіемъ окажется неожиданный сверхкомплектъ. Надо стараться
чтобы поводовъ къ подобнымъ произвольнымъ сверхкомплектамъ было
меньше, и этого легко достигъ: стоитъ только свыкнуться съ мыслью
что люди одной и той же роты—одна семья, перваго ли онъ отдѣле-
нія или четвертаго, и какъ ихъ ни перестанавливай, выйдетъ все од-
но—сила.

Мы допускаемъ одну «малѣйшую возможность» разобрать людей по
своимъ отдѣленіямъ. Это съ окончаніемъ боя и выставкою аванпостовъ,
а потому нельзя не согласиться съ «Инструкціею», что въ мирное время
полезно знакомить и упражнять роты и баталіонъ въ дѣйствіяхъ пе-
ремѣшанными въ дѣли частями. Тутъ надо только слово «полезно»
замѣнить словомъ *необходимо*.

Привычка точно и ясно отдавать приказанія, по нашему мнѣнію,
гораздо лучше усвоена начальниками, чѣмъ привычка у подчинен-
ныхъ—понимать приказанія; вѣрнѣе, у послѣднихъ слишкомъ замѣтно
стремленіе: въ каждомъ приказаніи начальника отыскивать какую
нибудь неясность, неточность—привычка, пагубная въ военномъ ремеслѣ
и было бы желательно, чтобъ «Инструкція» настойчиво требовала отъ
подчиненнаго, получившаго приказаніе и не заявившаго тотчасъ объ
его неясности, точной исполнительности со всею отвѣтственностью за
неисполненіе приказанія. Объясненія и оправданія въ неисполненіи при-
казанія, вслѣдствіе его неясности, не должны быть допускаемы, и въ
этомъ смыслѣ «Инструкція» сдѣлаетъ большую услугу арміи, если она
во II отдѣлѣ, объ обязанностяхъ начальниковъ, побольше скажетъ объ
обязанностяхъ подчиненныхъ.

У насъ подъ рукою два приказанія, которыя по краткости своей
образцовы, и если въ одномъ, строго говоря, не все сказано, то дру-
гое не допускало никакихъ сомнѣній и неясностей; между тѣмъ испол-
неніе обоихъ приказаній было различное. Вотъ эти два приказанія:
5-го сентябрѣ, 4½ часа утра. «Въ ружье, на Николаѣ бой». Другое
«27-го декабрѣ, утромъ, атаковать дер. III». Казалось бы, что по первому
приказанію подчиненный былъ бы правъ, если бы буквально его испол-
нилъ, т. е. поставилъ бы свои войска въ ружье и ждалъ дальнѣй-

шихъ инструкцій; но вторая половина приказанія: «на Николаѣ бой», довольно опредѣлительно говоритъ, что ружье нужно для боя на Николаѣ, а не для ожиданія дальнѣйшихъ указаній, и командиръ части, собравъ все, что было можно, не ослабляя своей позиціи, повелъ войска на Николай. Приказаніе было вѣрно понято и исполнено. Другое приказаніе, не смотря на его ясность и краткость, исполнено было иначе: вмѣсто атаки III., въ указанный день, подчиненный посылаетъ ординарца къ начальнику испросить разрѣшенія произвести атаку не въ назначенный, а на слѣдующій день. Ординарцу приходилось сдѣлать въ оба конца 50 верстъ. Понятно, когда могъ получиться отвѣтъ начальника.

Противъ подобнаго исполненія приказаній нельзя не возставать, и было бы полезно развить въ «Инструкціи» правила для подчиненныхъ относительно исполненія полученныхъ приказаній. Въ мирное время бываетъ зачастую, что начальникъ точно и просто (письменно) сообщитъ подчиненному объ исполненіи того или другаго приказанія, а подчиненный весьма часто, вмѣсто простаго исполненія, входитъ съ длиннымъ ходатайствомъ о томъ, нельзя ли какъ нибудь не исполнить даннаго приказанія, въ виду самыхъ пустыхъ причинъ. Эти привычки мирнаго времени перенесутся и въ строй, и въ боевую практику, и ихъ необходимо искоренить тѣмъ путемъ, какой будетъ указанъ составителями «Инструкціи».

Что касается того, что знаніе и пониманіе предстоящихъ дѣйствій должно сдѣлаться извѣстнымъ и нижнимъ чинамъ части, то требованіе это, конечно, условно и относится только до мотивовъ самаго боя. Часто приходилось скрывать отъ подчиненныхъ намѣренія начальника относительно предстоящей дѣятельности роты или баталіона: неровень часъ—отъ перебѣжчика-ли, отъ плѣннаго-ли врагъ легко можетъ узнать о томъ, чего ему и знать не слѣдуетъ. Каждый солдатъ долженъ знать задачу своей роты, но не наканунѣ боя или маневра, а передъ самымъ дѣломъ, т. е. съ того мѣста, откуда ротный командиръ могъ бы пальцемъ указать, что именно ротѣ приказано сдѣлать. Всякія другія и, въ особенности преждевременныя, объясненія, безъ указанія вѣрной цѣли, будутъ для нижняго чина бесполезны.

Предложеніе, чтобы начальники слѣдили за тѣмъ, чтобы во время боя никто изъ находящихся въ строю не оставлялъ строя подъ предлогомъ выноса раненыхъ, не такъ легко исполнить, какъ кажется. Ротные командиры первой боевой линіи, и въ особенности наступающей, на столько заняты ходомъ боя, что оглядываться и повѣрять: кто изъ отсталыхъ раненъ и кто несетъ раненаго—не всегда возмож-

но. Надо согласиться, что всегда и вездѣ есть охотники выносить раненыхъ изъ сферы огня, а вѣдь, казалось бы, въ мирное время никто изъ этому не обучалъ. Зло это, безъ сомнѣнiя, надо искоренить; и возлагать надежды, что это могутъ сдѣлать ротные командиры во время боя, въ большинствѣ случаевъ ошибочно, и потому, намъ кажется неизбежно будетъ назначать особыхъ офицеровъ, *наблюдающихъ зтыломъ боевой линiи*; офицеры могутъ быть назначаемы изъ войскъ второй линiи, т. е. изъ баталiоннаго резерва.

«Начальникъ цѣпи принимаетъ мѣры для охраненiя фланговъ», говоритъ «Инструкцiя». Не удобнѣе ли обезпечивать флангъ изъ ротныхъ резервовъ и даже изъ баталiоннаго резерва?

Взводный командиръ назначаетъ число пуль, которое должно быть выпущено при огнѣ по командѣ, опредѣленнымъ числомъ патроновъ «Инструкцiя» подобную стрѣльбу оправдываетъ введенiемъ стрѣльбы опредѣленнымъ числомъ патроновъ въ Австрiи, Пруссiи и Франци. Ссылка довольно серьезная; тѣмъ не менѣе, намъ кажется, что она крайнe теоретична и на практикѣ не проверена. Въ нашей практикѣ ни разу не было случая, чтобъ одиночную стрѣльбу нельзя было остановить по приказанiю начальника цѣпи. Намъ кажется, что въ стрѣльбѣ надо держаться одного правила: поражать огнемъ видимаго непрiятеля. Если дистанцiя до цѣпи общааетъ успѣшную стрѣльбу, то необходимо стрѣлять безъ указанiя числа пуль. При опредѣленiи числа пуль, можетъ случиться, что послѣ перваго же выстрѣла врагъ скрылся, а стрѣлокъ все-таки будетъ стрѣлять, потому что приказано выпустить известное число пуль; между тѣмъ, приказанiе прежде всего надо исполнить—это коренное правило. Можетъ и такъ случиться, что послѣ первой пули противъ одного фланга цѣпи врагъ скрылся, а противъ другаго продолжаетъ быть видимъ; тогда спрашивается: какъ поступить стрѣлкамъ той части цѣпи, которая не видитъ болѣе своего врага? По нашему мнѣнiю, надо людей приучать къ стрѣльбѣ только по видимому непрiятелю, а взводному командиру остается разрѣшить: стрѣлять или прекратить стрѣльбу; и то, и другое будетъ людьми исполнено безпрекословно.

Здѣсь встаетъ замѣтить, что вездѣ, даже въ военномъ ремеслѣ есть своего рода мода, есть вопросы, которые на языкѣ у всѣхъ. Къ числу такихъ вопросовъ, о которыхъ твердятъ уже нѣсколько лѣтъ, должно отнести, такъ называемую, дисциплину огня. По нашему мнѣнiю, ничего нѣтъ легче, какъ, по волѣ начальника цѣпи, начать или прекратить огонь въ рядахъ нашихъ прекрасно дисциплинированныхъ войскъ; надо только, чтобъ взводный командиръ или начальникъ отдѣ-

лѣнія былъ бы не за своею цѣпью, а въ самой цѣпи, между своими солдатами. Нѣтъ лучшаго мѣста для каждаго начальника, до ротнаго командира включительно, какъ въ средѣ своей части; отсюда онъ лучше всего ее видитъ; отсюда лучше всего видѣнъ непріятель, а главнѣе всего, отсюда люди лучше всего видятъ своего командира: имъ не придется оглядываться гдѣ, молъ, командиръ; оглянется разъ, оглянется два; чѣмъ жарче дѣло, тѣмъ чаще начнетъ оглядываться, а такъ и такъ оглянется, что къ врагу и не повернется совсѣмъ.

Указавъ на замѣчательныя свойства нашего солдата, дадимъ практической совѣтъ относительно того, какъ знакомить молодаго солдата съ тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое производитъ несносное жужжанье пуль, заставляющее его, ради успокоенія своихъ нервовъ, стрѣлять безъ приказанія. Необходимо, въ началѣ кампаніи, не смотря на превосходство нашего дальнобойнаго ружья, избѣгать стрѣльбы съ дальнихъ дистанцій. Если часть выдержитъ по этому указанію первое дѣло, и въ особенности если оно незначительное, не рѣшающее и не вызвавшее отступленія съ нашей стороны, то можно съ увѣренностью сказать, что часть эта всю кампанію пройдетъ хорошо и своимъ скорозаряжающимъ ружьемъ злоупотреблять не будетъ. На нашихъ глазахъ были такіе факты: непріятель наступаетъ и атакуетъ нашу позицію; часть войскъ этой позиціи, положимъ, правый флангъ, открываетъ огонь по врагу за 1,200 шаговъ, а другая, лѣвый флангъ, молчитъ и, подпустивъ непріятеля на 200 шаговъ, даетъ залпъ, другой, третій. Результатъ: на правомъ флангѣ непріятель ворвался на нашу позицію и пришлось штыками выбивать его оттуда; на лѣвомъ—десять послѣдовательныхъ атакъ не могли переступить дистанцію 200 шаговъ. Войска лѣваго фланга позиція были обстрѣлены и выдержаны; увлеченія стрѣлять за версту у нихъ не было; войска праваго фланга, утѣкаясь дальнобойностью, принуждены были обратиться къ прикладу и камнямъ.

Менѣе всего мы можемъ согласиться съ запретомъ одиночной стрѣльбы на дистанціи болѣе 800 шаговъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что вся цѣпь можетъ и должна стрѣлять въ одиночку на 800 шаговъ и далѣе. Мы находимъ, что для стрѣльбы цѣлою цѣпью самая дальняя дистанція должна быть: противъ цѣпи 600 шаговъ, а противъ колоннъ и сжатыхъ массъ—800 шаговъ; но мы съ успѣхомъ практиковали одиночную стрѣльбу противъ одиночныхъ людей на 900 и 1,000 шаговъ, и вотъ въ какихъ случаяхъ. На Шипкѣ, въ каждой траншеѣ, занятой частями намъ подвѣдомственными, всегда было по одному офицеру и одному, другому лучшему стрѣлку съ «пибоди», а потомъ и

съ «берданкой», на изготовкѣ, чтобъ не прозвѣвать смѣльчака-турка, котораго рѣшился бы высунуться изъ-за траншеи. Офицеръ опредѣлялъ цѣль и дистанцію, и затѣмъ одиночные стрѣлки открывали огонь по всей траншеѣ. Мы приказывали это дѣлать въ тѣхъ видахъ, что выглядывать изъ-за неприятельскихъ траншей простой рядовой не становится, а если это начальство, то выбить инаго начальника изъ строя болѣе важно, чѣмъ забрать всю его часть въ плѣнъ.

Позволю себѣ для ясности сдѣлать маленькое отступленіе. Когда мы стояли на Шипкѣ, насъ занималъ и удивлялъ, первое время осадны, начальникъ артилеріи турецкихъ позицій. Мы ежедневно утромъ видѣли всадника на бѣломъ конѣ, объѣзжающаго турецкія позиціи, и затѣмъ, ровно въ 9 часовъ утра, начинался мѣткій артилерійскій огонь. Часто всадникъ этотъ пѣшимъ становился на брустверь, и какъ капельмейстеръ, дирижирующій оркестромъ, разводилъ руками, и тогда со всѣхъ батарей раздавался общій залпъ. Надо было удивляться въ особенности выбранныхъ цѣлей для залпа и одиночнаго артилерійскаго огня. Избраннымъ стрѣлкамъ противъ такихъ начальниковъ надо разрѣшати стрѣлять на самыя дальнія дистанціи. Послѣ дѣла 5-го сентября, въ дѣйствіяхъ турецкой артилеріи стала замѣтна перемѣна: снаряды стали расходовать безъ толку; стрѣляли противъ одиночныхъ всадниковъ или противъ повозокъ, но противъ войскъ артилерія молчала; въ ясную погоду стрѣльбы нѣтъ, а въ туманъ, когда ничего на горахъ не видно, начинается канонада. Не было сомнѣнія, что даровитый начальникъ турецкой артилеріи былъ замѣненъ доморощеннымъ туркомъ. Убѣжденіе наше скоро подтвердилось: въ иностранныхъ газетахъ было напечатано, что нашъ врагъ-герой Леманъ-паша (пруссакъ)—убитъ на одной изъ батарей пулею въ лобъ. Тутъ же, безъ прикрасъ, мы можемъ спросить, что было бы съ Шипкой, если бы одиночная пуля убила главнаго защитника нашихъ позицій. Вотъ почему мы стоимъ за одиночную стрѣльбу съ дальнихъ дистанцій избранными стрѣлками противъ избранной цѣли. вмѣстѣ съ тѣмъ, мы противъ стрѣльбы залпами на дальнія дистанціи, даже въ группу начальниковъ. Залпы должны быть на ближайшихъ дистанціяхъ, и только въ смыслѣ обороны противъ атакующихъ массъ. При наступленіи же стрѣлять залпами ради того только, что съ дальнихъ дистанцій «люди легче сохраняютъ спокойствіе и выдерживаютъ команду», по меньшей мѣрѣ непрактично; на противъ, надо удерживать войска отъ залповъ на дальнія дистанціи, а при наступленіяхъ ихъ вовсе допускать не слѣдуетъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда, по мнѣнію «Инструкціи», въ карманѣ стрѣлка будутъ лишніе патроны, ибо необходимо подчеркнуто въ «Инструкціи» «имѣти

достаточное (?) количество патроновъ для стрѣльбы на близкія разстоянія, такъ какъ именно этой стрѣльбѣ, а не дальней, принадлежитъ рѣшающее въ бою значеніе». Во-первыхъ, «лишнихъ» патроновъ въ сущности никогда не бываетъ, а во-вторыхъ, рѣшающее въ бою значеніе имѣетъ не стрѣльба на дальнія или на ближнія дистанціи, а штыкъ. *Огонь только подготавливаетъ дѣло, а штыкъ рѣшаетъ*; эпизодъ долженъ проникнуться каждый солдатъ такъ же твердо, какъ своею молитвой.

О стрѣльбѣ съ установкой прицѣловъ, на разныя разстоянія, для обстрѣливанія площадей, замѣтимъ, что «Инструкція» не оговариваетъ, въ какихъ случаяхъ примѣнять подобную стрѣльбу и, сколько можно понять, она допускаетъ ее какъ при оборонѣ, такъ и при наступленіи.

Точное опредѣленіе разстоянія имѣетъ большое, мы скажемъ главное, значеніе при стрѣльбѣ. Между тѣмъ, обороняющійся имѣетъ всѣ способы опредѣлить дистанцію до извѣстныхъ предметовъ, впереди позиціи лежащихъ. Спрашивается, для какой надобности обороняющемуся стрѣлять на 1,200 шаговъ, когда онъ вполне убѣжденъ, вследствие сдѣланныхъ измѣреній, что до цѣли всего 1,000 шаговъ? При оборонѣ мы бы допустили стрѣльбу съ различными прицѣлами въ томъ вниманіи, что обороняющійся стрѣляетъ по войскамъ наступающимъ, и если колонны были при первомъ выстрѣлѣ за 1,200 шаговъ, то при второмъ и послѣдующихъ онѣ подойдутъ уже на 1,000 шаговъ, а мѣнять высоту прицѣла въ эти двѣ-три минуты некогда. Но спрашивается: зачѣмъ наступающему открывать за 1,000 и 1,200 шаговъ огонь, если онъ не знаетъ навѣрняка дистанціи? Умѣть стрѣлять не значитъ обстрѣливать или засыпать пулями извѣстное пространство, а умѣть вѣрно опредѣлять высоту прицѣла. Разъ уголъ возвышенія определенъ—должно, по нашему мнѣнію, стрѣлять по одному прицѣлу, ибо войска обороняющагося за 1,000 шаговъ не маневрируютъ, а стоятъ на мѣстѣ, ждутъ атаки и преимущественно находятся за окопами. Обстрѣливать же окопы за 1,200—1,000 шаговъ бесполезно, и навѣрное приведетъ къ тому, что на близкихъ дистанціяхъ не хватитъ патроновъ; а можетъ случиться и того хуже: войска, начавшія при наступленіи стрѣльбу наудачу, съ трехъ прицѣловъ, не дойдутъ, пожалуй, до штыка.

По мнѣнію «Инструкціи», при наступленіи, главною цѣлью должно быть стремленіе скорѣе подойти къ непріятелю на такое разстояніе, съ котораго можно поражать его возможно болѣе дѣйствительнымъ огнемъ. По нашему простому мнѣнію, при наступленіи надо стремиться скорѣе сойтись съ врагомъ на такое разстояніе, съ котораго можно всадить

штыкъ въ грудь врага, и огонь служить только подготовкою этой штыковой цѣли. Въ такомъ духѣ долженъ быть воспитанъ русскій солдатъ, съ этою мыслию онъ долженъ начать свой день, съ нею же и заснуть.

Идеаль войны: кратчайшій, вѣрнѣе, скорѣйшій путь до политическаго ея центра. Идеаль боя: кратчайшимъ, вѣрнѣе, скорѣйшимъ путемъ сойтись съ врагомъ грудь съ грудью и потому, при наступленіи, надо избѣгать остановки ради стрѣльбы, а тѣмъ болѣе съ дальнихъ, мало дѣйствительныхъ дистанцій. Собственно при наступленіи остановки нужны для передышки, для восстановленія связи разрозненныхъ частей и для подготовки огнемъ штыковаго удара.

При наступленіи «Инструкція» предлагаетъ (въ пунктѣ 5-мъ) слѣдующее: «Когда перебѣгающая часть залегла на новой позиціи и открыла огонь, остальные части цѣпи перебѣгаютъ *на одну* высоту съ перебѣжавшею частью». Почему именно тогда, а не ранѣе и почему именно *на одну* высоту съ перебѣжавшею частью, а не далѣе впередъ? Представимъ себѣ, что въ то время, когда первое отдѣленіе перебѣгаетъ на новую позицію, непріятельская цѣпь встала и отбѣгаетъ назадъ; не лучшія ли это минуты для перебѣжки всей остальной нашей цѣпи, и не только на высоту перваго отдѣленія перебѣжавшей части, а до того мѣста, сколько хватить ногъ и легкихъ (чтобы не дать отступающему врагу остановиться на новой позиціи), или, во всякомъ случаѣ, до такого мѣста, гдѣ найдется хорошее закрытіе для стрѣльбы, а врагъ не успѣлъ еще, съ своей новой позиціи, открыть мѣткого огня по нашей перебѣгающей цѣпи. Тутъ даже можетъ и такъ случиться, что «направляющая часть» окажется сзади, но это не бѣда: ровняться всегда должно по переднему, и направляющая часть будетъ не та, которую вначалѣ назначили, а передовой, и именно тотъ передовой, который ближе будетъ находиться отъ цѣли атаки.

«Направляющая часть была 1-я рота, а 2-я рота должна сообразаться съ движеніями 1-й роты». На практикѣ часто 2-я рота будетъ сидѣть уже на вражеской батарее, а 1-я рота все будетъ направлять наступленіе.

«Инструкція» требуетъ, чтобъ на дистанціяхъ ближе 800 шаговъ цѣпь усиливалась только въ двухъ случаяхъ: при большой убыли въ цѣпи, или при упорномъ сопротивленіи непріятеля. Спрашивается: какіе же другіе случаи, когда прибѣгаютъ къ усилению цѣпи? Цѣпь можно усиливать на всѣхъ дистанціяхъ, даже и на разстояніи 100 шаговъ. такъ какъ появленіе сомкнутыхъ частей на линіи цѣпи, передъ ударомъ въ штыки, есть, собственно говоря, тоже усиленіе цѣпи.

«Инструкція» требуетъ, чтобы при появленіи сомкнутыхъ частей на линіи цѣпи, для удара въ штыки, цѣпь сопровождала бы наступающую сомкнутую часть *по флангамъ*. Неужели цѣпь, оказавшаяся передъ серединой фронта атакующей сомкнутой части, должна въ 150-ти шагахъ отъ непріятеля бѣжать не прямо на врага, а въ сторону, вдоль фронта, подъ губительнымъ огнемъ, чтобы попасть на флангъ для сопровожденія наступающей сомкнутой части? Не проще ли требовать, чтобы цѣпь какъ стояла, такъ и шла бы впередъ, и не бѣда, если она будетъ впереди сомкнутой части: чѣмъ больше людей будетъ впереди и менѣе по флангамъ, тѣмъ вѣрнѣе успѣхъ атаки.

Часть, ворвавшаяся на позицію непріятеля, между прочимъ, даетъ сигналъ «сборъ». Люди собираются поротно.

Въ тотъ мигъ, когда головныя роты ворвались на непріятельскую батарею или позицію, и «баталіонный резервъ» проходитъ ихъ ряды для преслѣдованія отступающаго непріятеля, подавать сигналы весьма опасно, и въ особенности сигналъ «сборъ.» Сигналъ этотъ, именно въ эту минуту, совершенно не нуженъ, ибо ключья головныхъ ротъ бывшей первой линіи разберутся сами собою безъ всякаго сигнала, и каждый применеть къ своему ротному командиру; дѣло это не такъ копотно и сложно, чтобы прибѣгать къ сигналамъ; впрочемъ, на дѣлѣ, можно навѣрное сказать, что не во всѣхъ ротахъ послѣ жаркаго дѣла окажутся на лицо сигналисты, и ротамъ волей неволей придется разобратся безъ сигналовъ. Сигналъ «сборъ» надо бы, по нашему мнѣнію, совершенно уничтожить, если онъ для болѣе крупныхъ частей, нежели рота, признается ненужнымъ.

При оборонѣ «Инструкція» предлагаетъ: если время позволяетъ, необходимо усилить позицію окопами для цѣпи и для сомкнутыхъ частей. При оборонѣ, позиціи избираются заблаговременно, и вопросъ окопыванія позиціи надо бы поставить не условно, а обязательно.

Траншею, хорошо скрывающую отъ пули, можно выкопать въ пять минутъ, и работа эта нисколько не утомитъ солдата.

До минувшей войны мы слишкомъ небрежно относились къ сапернымъ занятіямъ въ мирное время; было бы желательно, чтобы дѣло окопыванія шло у насъ такъ же обязательно и настойчиво, какъ прикладка, пристрѣлка и стрѣльба въ цѣль, и потому оговорки въ родѣ вышесказанной: «если время позволить», надо бы, казалось, изъ «Инструкціи» выбросить и замѣнить его требованіемъ, чтобы всякая позиція, избранная для обороны, была усилена окопами какъ для цѣпи и сомкнутыхъ частей, такъ и для орудій, если они при баталіонѣ состоятъ.

«Переходъ въ наступленіе послѣ отраженія атаки можетъ быть

предпринять, если онъ не разстроиваетъ общаго хода боя». Самый лучший переходъ изъ обороны въ наступленіе—это именно послѣ отбитія атаки, и потому, если общій ходъ боя не разстроится, то, послѣ отбитой атаки, можно и должно переходить изъ положенія оборонительнаго въ наступательное, которое всегда лучше обороны.

Предвареніе пѣхоты сигналомъ «всѣ» о грозящей ей атакѣ кавалеріи весьма практично, но едва-ли въ наше время кавалерія бросится на пѣхоту, не находящуюся въ паническомъ бѣгствѣ.

«Атаку на артилерію пѣхота производитъ *всегда* цѣпью, говоритъ «Инструкция». Значитъ, если ротѣ посчастливится взять батарею во флангъ, то ей сперва надо вызвать цѣпь и потомъ уже броситься на батарею?

«Овладевъ непріятельскою артилерією, пѣхота или увозитъ орудія, или же вынимаетъ замки изъ нихъ».

Не лучше ли, овладевъ непріятельскою артилерією, повернуть дула орудія къ сторонѣ непріятеля и стрѣлять по отступающему врагу, помогая этимъ «баталіонному резерву» преслѣдованіе непріятеля.

Когда Орловскій полкъ взялъ 7-го іюля 1877 г. переваль Шипку, то онъ захватилъ шесть стальныхъ и три горныхъ орудія; дула тотчасъ были повернуты въ обратную сторону, изъ полковъ вызвана артилерійская команда, и подъ начальствомъ 9-й артилерійской бригады прапорщика Кишемскаго орудія отслужили службу въ достославные дни августа и 5-го сентября шишкинской обороны.

3.

Г. Варшава. 22-го января 1878 г.